

Эн герои и ситуации всегда оцениваются и комментируются автором.

Традиционному трагическому финалу страшилки не соответствует неожиданный благополучный финал, который активно использует Ая Эн.

Использование в прозе Аи Эн некоторых черт жанра страшилки говорит о востребованности жанра сегодня, его актуальности. Мир, наполненный нанотехнологиями, не становится безопаснее и понятнее, он по-прежнему тревожит человека; мир, изображенный Аей Эн, - это мир, в котором ребенку постоянно приходится сталкиваться со злом, с таинственным, и зачастую делать выбор ему приходится в одиночестве.

Литература

Ая Эн официальный сайт писательницы [электронный ресурс] URL: <http://www.aja-n.narod.ru> (дата обращения 3.05.2016).

Ая Эн ; Худож.Н. Бугославская. Сказки не по правилам. - М.: РОСМЭН, 2014. – 64с.19

Френденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. — М.: «Лабиринт», 1997. — 448 с.

Мельников М.Н. Русский детский фольклор. — М.: «Просвещение», 1987. — 240 с.

Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. — Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1995.

© Дубицкая А.А., 2017

Ендальцева Е.Г (Екатеринбург, УрГПУ)

***Специфика хронотопа в романе Н.Г. Чернышевского
«Что делать?»***

Аннотация: В статье рассматривается художественное своеобразие воплощения хронотопа в романе «Что делать?». Намечены основные векторы анализа хронотопа философско-публицистического романа Н.Г. Чернышевского: сюжет, вводные эпизоды, система характеров, портрет, пейзаж, интерьер. Формулируется вывод о специфике хронотопа в произведении.

Ключевые слова: русская литература, роман, хронотоп, композиция, Н.Г. Чернышевский, «Что делать?».

Endaltseva E. G. (Yekaterinburg, USPU)

*The specifics chronotope in the novel N.Chernyshevsky
"What is to be done?"*

Abstract. In this article we are considering the artistic originality of the incarnation of chronotope in the novel N.Chernyshevsky "What is to be done?". Here are the basic vectors of analysis of the chronotope of the philosophical and publicistic novel N.Chernyshevsky "What is to be done?": the story, the introductory episodes, the system of characters, the portrait, the landscape, the interior.

Keywords. the russian literature, the novel, the chronotope, the composition, N.Chernyshevsky "What is to be done?"

«Что делать?» Н.Г. Чернышевского целым рядом исследователей справедливо характеризуется как философско-публицистический роман (М.Т. Пинаев, Е.Н. Покусаев, Ю.М. Проскурина, И.В. Кондаков).

Традиционно считается, что важнейшим признаком публицистического произведения является его документальное начало. Стремление к объективности обусловило присутствие в романе Н.Г. Чернышевского большей части документов: дневники Веры Павловны, письма Лопухова, письмо Кати Полозовой с цифровыми расчётами, доказывающими выгоду коллективного труда, рассказ-исповедь Крюковой и т.д. Тем не менее, за этими документами несложно считать и вполне конкретную авторскую позицию, заключающуюся в своём понимании эстетических принципов художественности, в рассуждениях о пользе женского труда и независимости.

Важным в определении жанровой специфики художественного мира романа является выявление способов создания хронотопа. Следуя логике предложенной концепции Н.Л. Лейдермана, при анализе хронотопа необходимо обращать внимание на следующие аспекты: сюжет, вводные эпизоды, система характеров, портрет, пейзаж, интерьер.

Первой основополагающей ступенью в постижении хронотопа произведения является его сюжет. М.Т. Пинаев, Н.Д. Тамарченко, И. Паперно сходятся в том, что в романе Чернышевского сосуществуют две сюжетные линии: внешняя, семейно-психологическая, связанная с историей любви между Верой Павловной, Лопуховым и Кирсановым, и потайная, «эзоповская» линия, повествующая о революционных взглядах на жизнь «новых» и «особенных» людей, об общей атмосфере приближающихся радикальных социальных перемен. Но два сюжета не развиваются параллельно, а органично вплетаются друг в друга, их объединяет центральная героиня – Вера Павловна.

Композиция романа петлеобразная: детективная завязка разрешается не в конце, кульминация внешнего сюжета перенесена в начало, чтобы не отвлекать внимание читателя от кульминации сюжета внутреннего. Благодаря смещению внешней кульминации, в центре внимания остаётся глава «Особенный человек», где повествуется о Рахметове и его встрече с Верой Павловной. Таким образом, кульминация «открытого» сюжета в романе «Что делать?» является одновременно завязкой его «эзоповского», потайного сюжета. Пятая глава романа «Новые лица и развязка», действительно, содержит в себе «развязку», но лишь «открытого», – семейно-психологического сюжета, который завершается благополучно для двух влюбленных пар с точки зрения светской этики и брака. Но в «подводном течении» сюжета «нарастает тема все более тесного взаимодействия легальных и конспиративных форм деятельности "новых людей": "мирная жизнь" двух счастливых супружеских пар, связанных сердечной дружбой, рисуется в то же время как жизнь на колеблющейся от внутренних толчков почве, почти на вулкане» [Тамарченко 1975: 20]. Несмотря на то, что завершается роман «открытым финалом», тональность шестой главы несомненно является позитивной: «Финальная глава – "Перемена декораций" – вовсе не претендует на точный прогноз событий. Это лишь авторский перст, указующий на возможность революционного разрешения исторической коллизии, которая может открыть новые пути, новые судьбы и для героев романа» [Тамарченко 1975: 7]. Таким образом, потайная линия романа не получает сюжетного завершения.

Кроме сдвоенного сюжета основным принципом построения повествования является «двойная (и множественная) организация повествовательных звеньев» [Паперно 1996: 40]. И. Паперно обращает особое внимание на то, что «почти каждый сюжетный ход имеет альтернативу – другую реализацию того или иного поворота сюжета, другую интерпретацию события, другую мотивацию поступка героя».

Система образов персонажей романа, по замыслу автора, представляет собой очень стройную типологию. Герои делятся на представителей «допотопного мира» и «новых людей». Г.Е. Тамарченко отмечает, что романист не противопоставлял "особенных людей" "обыкновенным", то есть, проще говоря, руководителей революционного подполья рядовым деятелям освободительного движения, а наметил «диалектическую взаимосвязь между ними, введя в качестве переходного связующего звена образы "дамы в трауре" и "мужчины лет тридцати"» [Тамарченко 1975: 25]. Время Рахметова еще не пришло, он прототип человека будущего.

«Допотопное население», в свою очередь, делится на: «дурных» (Марья Алексеевна, Жюли, Настя Крюкова) и «дрянных» (Сторешников). Жюли, Настя и Марья Алексеевна составляют группу лиц, которые хотя и «дурные», но способны трансформироваться и изменяться. Они противостоят группе «дрянных» людей, не способных к трансформации. К категории неподвижных персонажей, тех, кто не может измениться и стать другим, ни при каких обстоятельствах, относятся Сторешников и Жан, а также круг людей, к которым автор обращается как к «публике».

Важной составляющей хронотопа художественного произведения являются портреты и пейзажи. Примечательно то, что Н.Г. Чернышевский не даёт подробных описаний жилищ своих героев, а ограничивается лишь яркими деталями. Например, важными деталями в создании образа дома Розальских становятся: грязная чёрная лестница, ведущая к квартире родителей Веры Павловны на 4 этаже [Чернышевский 1985: 25]; «шкапчик», где стоит графин с водкой и сахарница, которую оберегает Марья Алексеевна – прежде чем выйти из гостиной после обеда, она предварительно запирает её [Чернышевский 1985: 83]; кухарка Матрёна, с вечно подби-

тым глазом. Марья Алексеевна – деспотичная взбалмошная женщина, но считает своим долгом соблюдение порядка и приличия.

Внешности героев автор-повествователь не уделяет особого внимания. О Лопухове мы знаем, что он «среднего роста <...> с тёмными каштановыми волосами, с правильными, даже красивыми чертами лица, с гордым и смелым видом» [Чернышевский 1985: 60], Вера Павловна – обладательница восточного типа внешности, с «широкой» грудью, Павел Константинович Розальский – «плотный, видный мужчина», Марья Алексеевна – «худощавая, крепкая, высокого роста дама» [Чернышевский 1985: 25]. Знакома читателя с героями, автор в большей степени акцентирует внимание на деятельности персонажа.

Конфликт романа Чернышевского Г.Е. Тмарченко определяет как «традиционный конфликт разнонаправленных волей» [Тмарченко 1975: 25]. Семейно-бытовая коллизия, возникшая между Лопуховым, Верой Павловной и Кирсановым решается естественно для «новых» людей, так как их главный принцип – счастье для «порядочного человека» заведомо невозможно, если оно достигнуто за счет другого человека. Поэтому Кирсанов «борется со страстью к замужней женщине, да еще целых три года», а Лопухов заставляет его прекратить борьбу. Поэтому и Вера Павловна долго не признаётся даже себе в любви к Кирсанову. Любовь, по Чернышевскому, – это и есть способность «радоваться тому, что хорошо для любимого». Столкновение людей новых и допотопных – не внешнее столкновение героев, а соотношение, взаимодействие разных уровней сознания, умственного, нравственного развития, где допотопные явно проигрывают.

Сложно переоценить роль вставных эпизодов в романе «Что делать?». Лирические отступления автора, сны, диалог с проницательным читателем – являются внесюжетными элементами, которые требуют отдельного анализа при характеристике хронотопа романа. Спор автора с «проницательным читателем» становится дополнительным сюжетом, так как он имеет свою завязку, развитие, кульминацию и развязку. В интеллектуальном поединке Автора с «проницательным читателем» проявляется сущность философско-публицистического романа писателя.

Особое внимание следует обратить на время-пространство, воплощенное в снах Веры Павловны. Мы видим, как постепенно расширяется пространство и время от первого к четвертому сну героини. Первый сон олицетворяет её прошлую жизнь: тяжелую, замкнутую. Второй сон – метафора её настоящей жизни: достаточно свободной, определённой, но всё ещё лишённой смысла и высшего предназначения. Как и другие «новые люди» Чернышевского, она может быть счастлива только тогда, когда приносит радость и счастье другим людям. Она знает, что личное счастье «невозможно без счастья других». Третий сон открывает для неё понимание настоящей любви.

Четвертый сон является апогеем сюжета романа, в котором воплощена не только будущая жизнь героини, но всех «новых» людей. Данный эпизод, заключительное важное звено в романе, очевидно, основан на хронотопе идиллии. Людей «особой породы», таких как Рахметов, автор встречал лишь «восемь образцов» [Чернышевский 1985: 229], а в картине, которая предстаёт перед Верой Павловной в четвёртом сне, нет не особых людей. Своеобразным предисловием к четвертому сну Веры Павловны является лирическое отступление автора о ношении корсета. Корсет является символом эмансипации женщин. Образы-символы во вставных эпизодах несут не просто иллюстративную функцию, они являются доказательствами авторских утверждений.

В романе есть несколько «вставных» сюжетов, написанных в форме отступления в прошлое персонажей. Например, новелла о проститутке Насте Крюковой и докторе Кирсанове, история формирования личности Рахметова. Таким образом, идея неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего раскрывается не только через персонажей, «дурных», «обыкновенных» и «особенных» людей, но и через лирические отступления, которые иллюстрируют прошлое и четвертый сон Веры Павловны, символично рисующий как прошлое, так и будущее.

Таким образом, мы доказали, что образ мира произведения складывается в хронотопе. Движение времени является своеобразным каркасом произведения: от прошлого, представленного персонажами допотопного мира, к настоящему – времени основных событий произведения, главными героями которых являются «новые

люди», и будущему, проиллюстрированному в Четвертом сне Веры Павловны, а также в главе «Перемена декораций».

Литература

Кондаков И. В. «Что делать?» как философско-интеллектуальный роман (к диалектике сознания и самосознания становящегося жанра) // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Историко-функциональное исследование / под. ред. К. Н. Ломунова М. : Наука, 1990. С. 163 – 172.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание // Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2010.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма М. : Новое литературное обозрение, 1996.

Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский - романист и «новые люди» в литературе 60-70-х годов // История русской литературы: в 4 т. Л. : Наука, 1980. Т. 3. С. 20–52.

Покусаев Е. И. Чернышевский Николай Гаврилович // Краткая литературная энциклопедия: в 16 т. М. : СЭ, 1975. Т. 8. С. 466 – 476.

Проскурина Ю. М. Жанрово-стилевое своеобразие романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Проблема жанра и стиля в литературе второй половины XIX века/ Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. С.110 – 119.

Тамарченко Г. Е. «Что делать?» и русский роман шестидесятых годов // Чернышевский Н. Г. Что делать? Л. : Худож. литература, 1975. С. 5 – 46.

Чернышевский Н. Г. Что делать? М. : Художественная литература, 1985.

© Ендальцова Е.Г., 2017

Ермичева Е. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

Особенности субъектной организации романа М.Кучерской «Бог дождя»

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей субъектной организации романа Майи Кучерской «Бог до-